

◆ ЦИКЛ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ ◆

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

АК
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2015

Книга вторая

ЗОЛОТОЙ КРЕСТ

Анджела
Смит

ББК 86.37
X19

Перевод с английского

Originally published in English under the title:
THE GOLDEN CROSS
by Angela Elwell Hunt.

Published by WaterBrook Press,
an imprint of the Crown Publishing Group,
a division of Random House LLC,
12265 Oracle Boulevard, Suite 200
Colorado Springs, Colorado 80921, USA.

International rights contracted through:
Gospel Literature International,
P.O. Box 4060, Ontario, CA 91761-1003, USA.

This translation published by arrangement with WaterBrook Press,
an imprint of the Crown Publishing Group,
a division of Random House LLC.

Russian edition 2015 © Mission Visson.
All rights reserved.

Хант, Анджела

X19 Золотой крест / Пер. с англ. — СПб.: ЛКС, 2015. — 432 с. —
(Наследницы Кахиры О'Коннор).

ISBN 978-5-94861-209-6 (ЛКС)

ISBN 978-5-905913-57-0 (Виссон)

Это вторая книга из серии «Наследницы Кахиры О'Коннор». Речь в ней снова идет о девушке с рыжими волосами и серебряной прядкой у виска. Эйдан О'Коннор не придется сражаться с оружием в руках, но ее битва не менее важна — она будет бороться за свое право жить и творить. Эйдан — художница, и ей предстоит пройти трудный путь, чтобы получить признание и... найти свою любовь.

ББК 86.37

ISBN 978-0-307-45877-3 (WaterBrook Press)

ISBN 978-5-94861-209-6 (ЛКС)

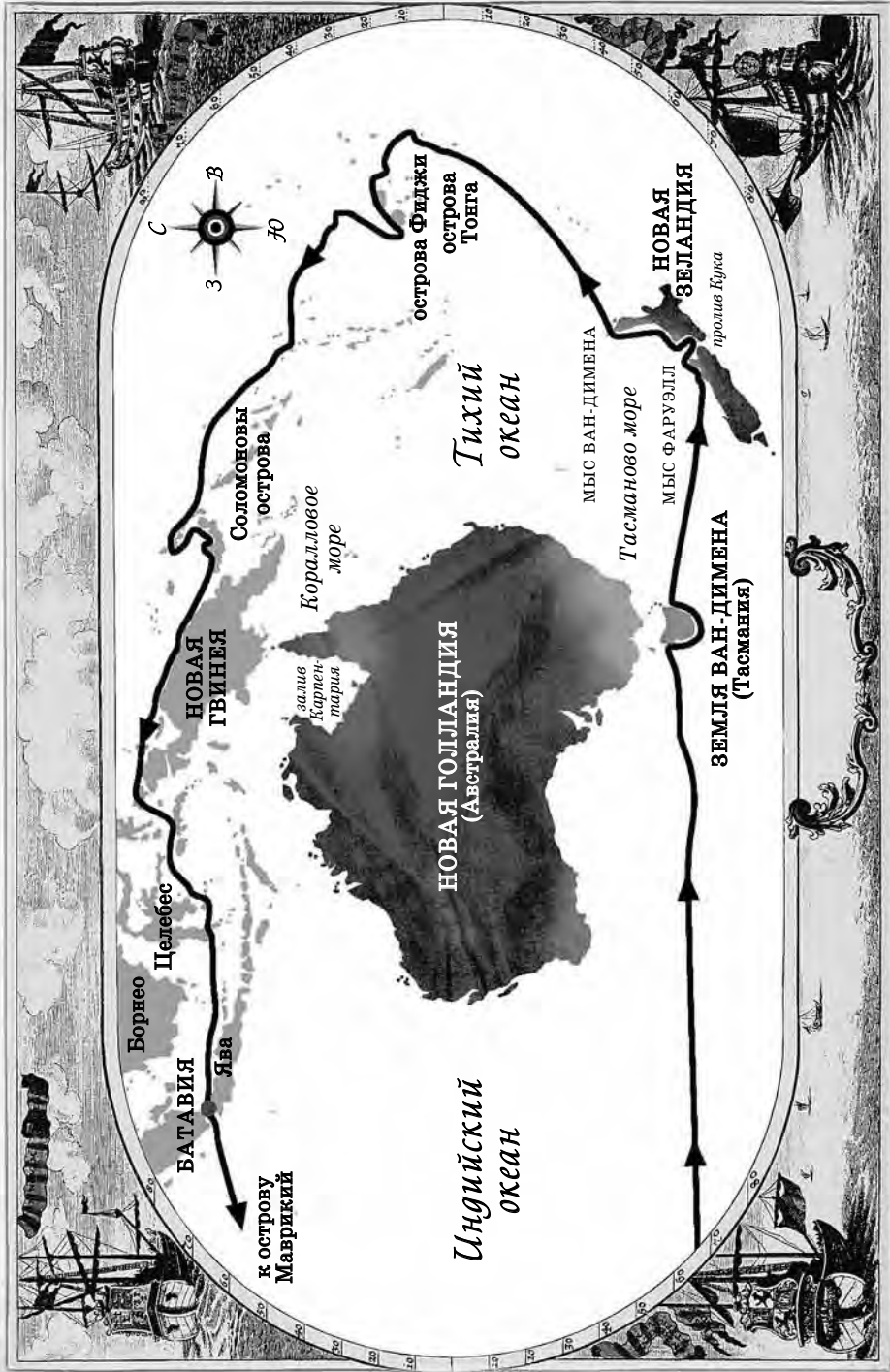
ISBN 978-5-905913-57-0 (Виссон)

© Angela Elwell Hunt, 1998

© Издательство «Виссон», 2015

*Не можем прекратить свой поиск,
А подойдем когда к его концу,
Окажемся мы там, где начинали,
Чтобы увидеть все как в первый раз.*

Т. С. Элиот
«Литтл-Гиддинг»

С
3
Ю

Борнео

Целебес

БАТАВИЯ

Ява

к острову
Маврикий

НОВАЯ
ГВИНЕЯ

Соломоновы
острова

Коралловое
море

залив
Карпентария

НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ
(Австралия)

Индийский
океан

острова Фиджи
острова
Тонга

Тихий
океан

МЫС ВАН-ДИМЕНА

Тасманово море

НОВАЯ
ЗЕЛАНДИЯ

пролив Кука

МЫС ФАРУЭЛЛ

ЗЕМЛЯ ВАН-ДИМЕНА
(Тасмания)

Пролог

Телефон снова зазвонил, уже в четвертый раз. Заворачивая за угол, я поскользнулась на кафеле, а потом чуть не свалилась на своего мастиффа, Баркли, который разложил на прохладном кухонном полу свое двухсотфунтовое тело. Я потянулась к телефону через Баркли и случайно перевернула деревянную кружку, в которой хранила разную кухонную утварь. Под стук падающих лопаточек и деревянных ложек я схватила трубку телефона:

— Алло?

— Мисс О'Коннор?

Я скривилась и снова перегнулась через Баркли, чтобы подобрать деревянную ложку, пока он не решил ее пожевать. Только телефонные агенты называли меня «мисс О'Коннор», значит, я разгромила собственную кухню и чуть не сломала себе шею ради удовольствия послушать о скидках при предоплате собственных похорон.

— Да? — Я хмуро посмотрела на аппарат. — Послушайте, я действительно очень занята...

— Я не отниму у вас много времени, мисс О'Коннор, — сказал мужчина извиняющимся голосом. — Я только что закончил чтение вашей работы и должен признаться, она превосходит все мои самые смелые ожидания.

У меня перехватило дыхание — я узнала этот голос.

— Профессор Говард? Вы прочитали «Серебряный меч»?

— Ну, конечно, дорогая. — И я услышала в его голосе улыбку. — Я впечатлен вашей эрудицией и верностью деталям. Ваша работа отличается точностью и подкреплена документально.

Я вцепилась в телефонный шнур и прислонилась к столешнице, сразу забыв о Баркли, о книге, которую только что читала, обо всем. Профессору Говарду понравилась моя работа! То ерундовое исследование пиебалдизма (явления, из-за которого у меня слева над ухом растет прядка белых волос) в прошлом семестре вдруг обернулось серьезным начинанием.

— Спасибо, сэр, — ответила я, запинаясь.

— Я понятия не имел, что были и другие женщины, подобные Кахире О'Коннор, — продолжил он. — Как же вам удалось их отыскать?

— Просто я ввела слова «О'Коннор» и «пиебалдизм» в поисковик, — пробормотала я, удивляясь, что он сам не догадался. — И они появились, все четыре — Кахира, Аника, Эйдан и Фланна. Неожиданно предсмертная мольба Кахиры обрела смысл. Она молила небеса, чтобы ее потомки сошли со своего естественного пути и восстановили справедливость в кровавом мире мужчин.

— Невероятно, — пробормотал он, теперь я услышала в его голосе нескрываемое удивление и уважение. — Я впечатлен. Если бы вы были моей студенткой, я поставил бы вам высший балл. Ваша рукопись скорее похожа на роман, нежели на исследовательский проект.

Я буквально потеряла дар речи и облокотилась о столешницу:

— Большое спасибо, профессор. Ваша похвала дорогого стоит. Я вам благодарна.

На другом конце трубки наступила тишина, я буквально видела, как поднимаются брови профессора, как он постукивает карандашом по столу, старательно подбирая слова.

— В вашем сопроводительном письме говорится, что вы намерены продолжить свое исследование, — наконец заговорил он. — Не могли бы мы встретиться и обсудить, что еще вы об-

наружили? Мне очень интересно понять, как прошлое может влиять на вашу жизнь.

— Я ничего об этом не знаю, — возразила я. Все время со дня нашего знакомства меня смущал тот факт, что профессор видит во мне некую Жанну д'Арк двадцать первого века. — Я знаю, что вы считаете меня родственницей Кахиры, но ведь у меня нет ничего общего ни с Аникой из Праги, ни с Эйдан О'Коннор.

Профессор вежливо проигнорировал мои возражения.

— Вы также упомянули моего ассистента, мистера Моргана, — продолжил профессор чуть насмешливо. — Он тоже прочел вашу работу и будет рад с вами встретиться за обедом.

При упоминании Тейлора Моргана у меня зарделись щеки, хорошо, что профессор не мог меня сейчас видеть. Прилив радости, охвативший меня после завершения грандиозной работы, придал мне смелости, я написала сопроводительное письмо и отправила его вместе с рукописью «Серебряного меча». В письме я намекнула (и весьма недвусмысленно), что мистер Тейлор Морган оказал мне услугу, как помощник профессора, естественно.

— Гм, конечно, — ответила я, наматывая телефонный шнур на запястье. — Летом я подрабатываю в книжном магазине «Потрепанные страницы». Рядом с магазином есть кафе.

— Да, я знаю это кафе. Может, в пятницу, в час дня? Когда возможно, я стараюсь избегать многолюдья. Мистер Морган будет вести занятие до половины первого.

— Тогда в пятницу. — Я расплылась глупой улыбкой. — Отлично. На случай, если вы забыли, как я выгляжу, у меня рыжие волосы...

— Мисс О'Коннор, — сказал он вдруг охрипшим голосом, — я никогда не смогу забыть, как вы выглядите. Ведь ваши рыжие волосы и привлекли меня тогда.

Они уже ждали меня, когда я влетела в кафе в пять минут второго. Профессор поднялся и выдвинул для меня стул.

Тейлор Морган тоже встал, его синие глаза улыбались мне сквозь элегантные очки в металлической оправе. На нем была рубашка из хлопка и брюки цвета хаки, он выглядел свежим и элегантным, несмотря на жару, я присела на стул, в мозгу закружился хоровод мыслей, а потом вдруг исчез. Близкое присутствие Тейлора Моргана могло выбить из колеи любую женщину, как мне кажется, но едва ли я произведу на него впечатление своей ученостью, если буду сидеть и заикаться, словно школьница в присутствии звезды.

Тогда я решила смотреть только на профессора. Это был мужчина средних лет, мягкий и бесконечно уважительный, от его вида меня не бросает в дрожь, только от мысли, что ему понравилась моя работа.

Мы обменялись любезностями; затем профессор снова спросил меня, как я обнаружила других потомков Кахиры О'Коннор.

— Поисковик, которым я пользовалась, выдал мне четыре ссылки на «О'Коннор» и «пиебалдизм». — Я просмотрела меню, выбрала свой обычный сэндвич с тунцом и положила меню на стол. — Каждая из женщин появлялась через двести лет после предыдущей с небольшими отклонениями во времени. Кахира жила в тринадцатом веке, Аника в пятнадцатом, Эйдан в семнадцатом, а Фланна в девятнадцатом. Все они носили фамилию О'Коннор, у всех были рыжие волосы и белая прядка над левым виском.

Профессор автоматически посмотрел на мою прядку в рыжих волосах. Я отхлебнула воды, поджидая, когда мне хоть что-то ответят.

— А вы собираетесь исследовать жизнь и остальных женщин? — спросил Тейлор голосом, который показался мне золотистым и теплым, как солнечный свет. — Впишется ли эта работа в вашу учебную программу?

— Я закончила большую часть моего исследования об Эйдан О'Коннор, — ответила я, пожимая плечами. — Я уже старшекурсница факультета английской филологии и найду способ воспользоваться всем, чему меня научили. Можно поговорить с моим куратором о каком-то независимом исследовании.

— Было бы неприятно, если бы такие знания и тяжкий труд остались без вознаграждения. — Тейлор поймал мой взгляд. — К тому же я очень хочу прочитать про остальных женщин.

— А я хотел бы узнать другое, мисс О’Коннор... — Профессор отложил меню и сложил руки на столе. — О том, что вы намерены делать с вашей собственной причастностью к этой родословной. Вы тоже О’Коннор, у вас та же физическая особенность, что и у остальных.

— Не стану отрицать, я думала об этом. — В сознание прокралось беспокойство. — Я думаю, что моя роль ограничена — я всего лишь летописец, не более того. Если Господь действительно ответил на молитвы Кахиры, а ее потомки на самом деле связаны со мной, тогда я единственная, кто имеет все возможности рассказать их истории. У меня есть выход в Интернет, есть компьютер — в те времена не было ничего подобного. Посему именно мне поручено рассказать о них и связать их жизни вместе.

— Ради вашего же блага я готов согласиться. — Карие глаза профессора затуманила тревога. — Потому что если это не так, придется признать, что и в следующем веке нас ожидают вооруженные конфликты. Разве не все потомки Кахиры участвовали в войне...

Я подняла руку, останавливая его:

— Это не совсем так. Кахира не говорила, что ее потомки будут сражаться на войне, она сказала, что они будут защищать правду. Эйдан О’Коннор, например, не участвовала в войне. В 1642 году она жила в Батавии, голландской колонии на острове Ява в Индонезии, и там царил мир.

— Как могло получиться, что эта женщина, потомок ирландской принцессы, вдруг оказалась в Индонезии? — Взгляд Тейлора светился любопытством.

Я глубоко вздохнула, вглядываясь в его глаза. В этот момент сам Мел Гибсон мог бы войти в кафе, а я даже не повернула бы головы в его сторону.

— Это длинная история. Если вам нужно бежать на следующую встречу, боюсь, и начинать не стоит.

Тейлор сцепил пальцы рук.

— Я специально освободил этот день, — сказал он тихим вкрадчивым голосом.

Я слышала краем уха, как профессор Говард говорит что-то о визите к дантисту в три часа, но лишь смутно. Если Тейлор Морган готов сидеть здесь и слушать, я буду говорить весь день и всю ночь, если он пожелает. Все, что угодно. Но он всего лишь хочет знать...

— Отлично. — Я улыбнулась ему. — Только сначала я хочу получить колу и сандвич с тунцом. Давайте заказывать.

Тейлор поднял руку, подзывая официантку, а я достала свою записную книжку из сумки. Пока они с профессором заказывали сандвичи, я изучала записи.

— Итак, мисс О'Коннор, — сказал Тейлор, когда официантка отошла. — Мы готовы. Расскажите нам, как наследница семьи О'Коннор оказалась посреди Тихого океана.

— Эйдан О'Коннор родилась не в Индонезии, — ответила я, кладя свою записную книжку на стол. — Ее родители, Кори и Лили О'Коннор, были истинными ирландцами, но к тому времени, когда родилась Эйдан, они уже жили в Англии. В 1636 году, когда девочке исполнилось четырнадцать, ее родители решили рискнуть и сбежать от чумы, за лето унесшей двенадцать тысяч лондонцев.

— Так О'Конноры эмигрировали? — спросил профессор.

Я кивнула:

— Да, в Батавию, столицу голландской колонии на островах Пряностей. Многие англичане бежали из Лондона на Карибские острова, в Новую Англию и Вирджинию, но отец Эйдан захотел чего-нибудь другого.

— Очень мудрое решение. — Тейлор поерзал на стуле.

— Не очень, — возразила я, приподнимая бровь. — Он умер во время плавания. По приезду в Батавию Эйдан и Лили оказались без поддержки, без средств к существованию, а в колонии, которая очень гордилась налаженным производством пряностей и общественным порядком, полностью отсутствовала система социальной защиты. Лили пришлось заниматься древнейшей профессией, ради того чтобы выжить.

— Проституцией? — Лицо профессора исказила гримаса отвращения.

— Она заботилась о дочери, — сказала я. — Лили стала, как это называют голландцы, сводницей. Она предлагала заезжим морякам все мыслимые «развлечения», доступные в портовом городе.

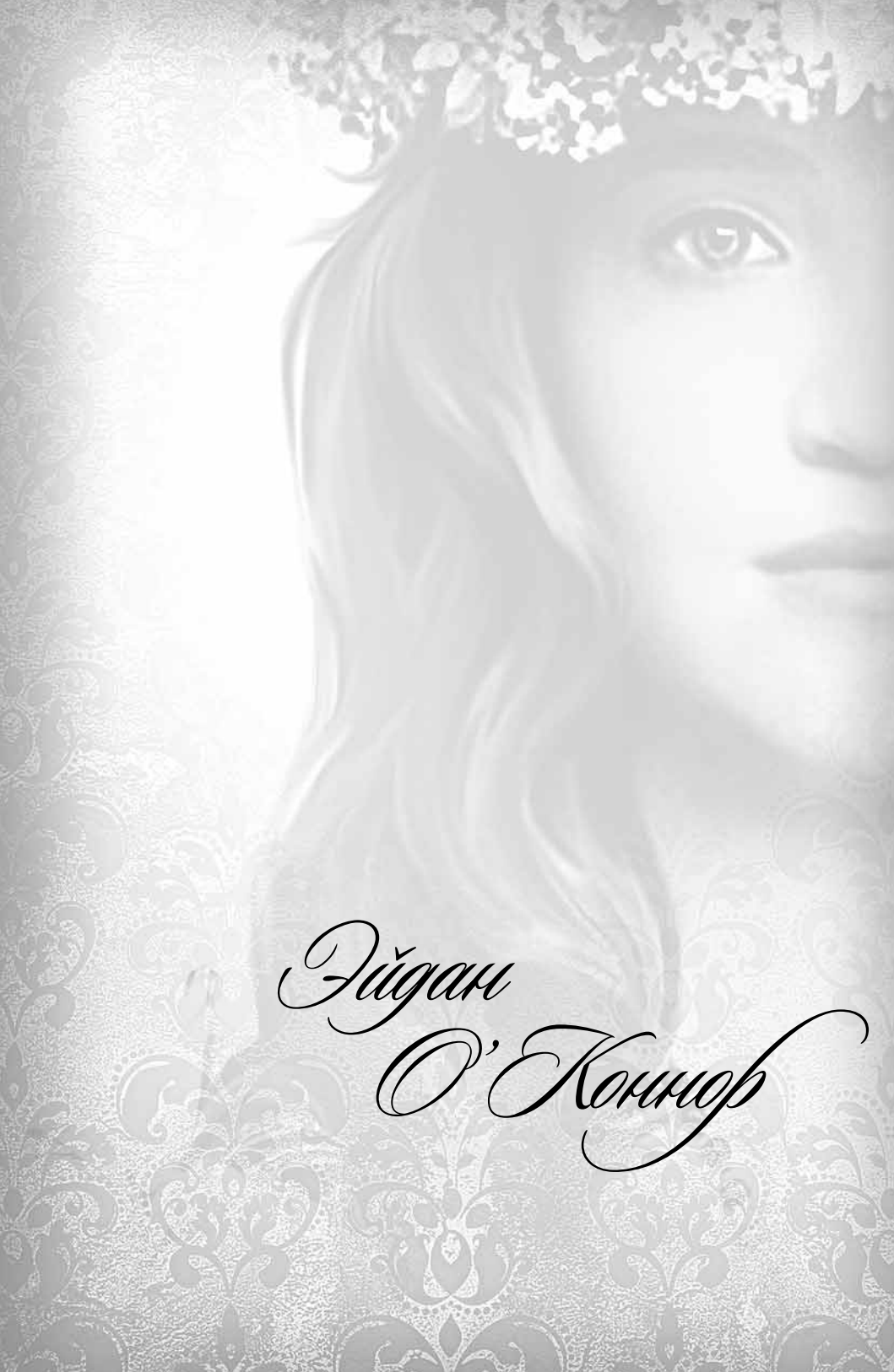
— Минуточку, — остановил Тейлор официантку, которая в этот момент расставляла на столике прохладительные напитки в запотевших стаканах. — Вы же только что сказали, что голландцы заботились об общественном порядке. Как же они могли мириться с такой деятельностью?

— Батавия тогда ничем не отличалась от большинства крупных городов: в ней сосуществовали два мира. — Я взяла свой стакан и кивком поблагодарила официантку. — Мир добропорядочных людей, которые жили и работали, и темный мир, который первые старались не замечать. Ну, конечно, время от времени шериф отправлял констебля на облавы, они задерживали попрошайек, карманников и пьяных, но большую часть времени делали вид, что ночлежек, бродячих музыкантов и таверн просто не существует.

— Так значит, наша Эйдан жила на дне общества? — Профессор Говард озабоченно нахмурился.

— Да, и могла так и остаться в неизвестности, — ответила я, — но в один прекрасный день все изменилось — Скайлер Ван Дейк и его семья отправились прокатиться в карете вдоль побережья.

*Дүдан
О'Кочмор*

*Плох тот исследователь, кто считает,
Что суши вовсе нет, когда он в океане.*

Фрэнсис Бэкон
«О преуспевании знания»

Глава первая

22 июля 1642 года

Эйдан О'Коннор смотрела на зеленые горы вдаль, и на миг ей захотелось затеряться в тех бархатных тенях. Там она обязательно нашла бы прохладу под деревьями, вздымающимися над гребнями гор. Она знала, что аборигены строили свои крытые соломой дома под высокими деревьями, дающими им благословенный покой и тень.

Но ее семья приехала из Европы, поэтому их относили к «цивилизованной» части Батавии — с одной стороны убогий перенаселенный район прилегал к причалу, а с другой — к рынку и Брод-стрит. Здесь всегда пахло элем и открытой канализацией, временами к этим «ароматам» примешивался резкий запах духов проституток. Толпы моряков и торговцев запруживали переулки; повозки и лошади с трудом продвигались по мощеным улицам. Пьяные моряки, обнявшись, распевали матросские песни; женщины притворно визжали, когда пропахшие виски рты вдруг впивались в их губы прямо среди бела дня.

Эйдан посмотрела вдоль длинной Брод-стрит, которая постепенно спускалась к бухте, упираясь в нее. В гавань заходил высокий трехмачтовый корабль, матросы убрали трепещущие паруса. Скоро команда сойдет на берег, жаждущая,

голодная и желающая всего, чего она была лишена на судне, где царил суровая корабельная дисциплина.

Эйдан опустилась на каменную скамью возле таверны, она прижимала влажный лиф платья к себе, промокая капельки пота, выступившие на теле. Брам или Лили скоро выйдут, чтобы узнать, почему она снова выбежала на улицу. Им не мешали шум, запахи и сквернословие, но Эйдан они мешали, очень мешали.

Уже скоро она покончит с застоявшейся вонью горячего масла, низкосортного табака и невымытых пивных кружек. В один прекрасный день она встанет утром и уйдет навсегда. Ее, конечно, не примут в цивилизованной части Батавии, но она ведь может отправиться в деревню к туземцам. Яванцы будут изумленно взирать на нее, а она опустится на колени перед священной смоковницей, закроет глаза и поднимет руку, давая торжественную клятву больше никогда не возвращаться в таверну.

Богу это не понравится, — предупредил ее внутренний голос. Господь не одобряет детей, преклоняющих колени перед языческими тотемами. Но тот Бог, Которого она любила с детства, ничего не сделал для нее, забрал ее отца и разрушил все надежды. Возможно, Он даже не заметит, что она сбежала.

Девушка на секунду приподняла подол юбки, попирая приличия ради прикосновения свежего ветерка к голым ногам: ни одна леди не станет показывать свои ноги на людях, даже неотесанные барменши из «Таверны на Брод-стрит».

Нарядный экипаж с четверкой коней повернул с Маркет-стрит на Брод-стрит, копыта коней весело постукивали по мостовой, карета ехала в ее направлении. Эйдан замерла, очарованная необычным зрелищем. Это люди состоятельные, видно с первого взгляда, достаточно посмотреть на униформу кучера на передке. Что же они делают на Брод-стрит?

Экипаж поблескивал в лучах утреннего солнца, а через открытые окна Эйдан заметила трех мужчин и молодую женщину. У женщины был довольный, немного высокомерный вид состоятельной дамы. Когда карета проезжала мимо, женщина заметила Эйдан, и легкая самодовольная улыбка чуть изогнула уголки рта, усиливая выражение высокомерия.

— Эйдан, Лили зовет тебя.

Знакомый голос Орабель вывел Эйдан из задумчивости, она посмотрела на подругу:

— Я скоро приду. Скажи Лили, мне нужно немного побыть одной.

— Странная ты, Эйдан. — Орабель опустилась с ней рядом на каменную скамью, потом наклонилась, чтобы рассмотреть удаляющийся экипаж. — Надо же, ты видела платье женщины? Желтый атлас! Такое красивое! Я всегда мечтала о желтом платье. Это такой радостный цвет, согласна? Цвет солнца, утра, цветов...

— Но она вовсе не выглядит счастливой, — возразила Эйдан. Она снова посмотрела на дорогу. Карета уезжала; виднелись только поля шляпки женщины, украшенные перьями. — Мне кажется, ей бы больше подошел красный цвет. Или пурпурный. Она чересчур высокомерная и властная.

— Не удивительно, — ответила Орабель, выпрямляя спину. — Разве ты не знаешь, чей это экипаж?

Эйдан отрицательно покачала головой и добавила:

— И не скажу, что хочу знать.

— Ты должна! — Орабель вскинула руку в царственном жесте и указала в сторону удаляющегося экипажа. — Господин, только что проехавший мимо, Скайлер Ван Дейк, картограф. Он прославился своими картами. Все моряки говорят о нем. Его, кажется, наняла Голландская Ост-Индская компания.

— Как и всех. — Эйдан посмотрела на свои руки, с удивлением подумав, что это же можно сказать про всю Батавию, принадлежащую компании. Даже они с Орабель тратили свои жизни, продавая виски и эль морякам, которые плавали на кораблях этой компании. Без этой компании не было бы Батавии, производства пряностей, не было бы повода для негодования туземцев, направленного против европейцев, наводнивших их любимый остров и испортивших их природный рай.

— Он — художник. — Орабель особо подчеркнула это слово. — Как и ты, Эйдан. Ты должна остановить его как-нибудь и предложить порисовать для него.

— Ну, конечно!.. — Губы Эйдан иронически изогнулись. — И он будет настолько потрясен моим талантом, что не сможет не взять под свое крыло, чтобы обучать меня всему, что знает сам. И напишет всем коронованным особам Европы о том, что открыл великий талант. И я стану знаменита! Короли Англии и Франции предложат мне должность придворного живописца в одном из своих дворцов. И тогда я пошлю за тобой, дорогая Орабель, мы будем вместе сидеть в золоченой комнате и есть четыре раза в день пирожные и пудинги, какие захотим. И у нас будут чистые тувельки на ножках и столько желтых платьев, сколько пожелаем, все из шелка ярче солнца!

— Не нужно надо мной смеяться. — Орабель посмотрела на подругу глазами, полными упрека. — Просто я подумала, что тебе следует с ним встретиться. Ты хорошая художница, Эйдан. Я всего лишь хотела тебя приободрить.

— Приободрить? — Эйдан стиснула руки и уставилась на них. — Я никогда не буду художницей, Орабель, как и ты не будешь женой губернатора.

— Я могу стать женой губернатора, — Орабель говорила весело, но в ее глазах скрывалась боль, и голос вдруг задрожал, когда она продолжила: — Ты не можешь знать, что случится через день, Эйдан. Станет лучше, чем теперь. Если бы я думала, что лучше не будет никогда, я не смогла бы это пережить.

Эйдан вдруг стало стыдно, она обняла Орабель за худенькие плечи:

— Конечно, станет лучше. Когда-нибудь ты встретишь его. Какого-нибудь хорошего мужчину в таверне, он влюбится в тебя и предложит выйти за него замуж.

— Так обычно говорит Лили, — пробормотала Орабель, прижимая ладони к щекам.

— Так говорит Лили, — согласилась Эйдан, поглаживая светлые волосы подруги. Орабель была совсем юной, лет шестнадцати, и очень хрупкой. Все, что у нее было, — это надежда, а Эйдан, не подумав, принизила ее мечты.

— Вот видишь? — Орабель отстранилась и посмотрела на Эйдан вдруг вспыхнувшими глазами. — Если я могу найти мужа, ты можешь стать художницей, ты ведь всегда этого хо-

тела. Ты можешь пойти к господину Ван Дейку и нарисовать для него картину. — Тон ее голоса стал просительным: — Ему понравится, я это знаю.

Эйдан открыла рот, чтобы ответить, но вместо того раздраженно скривилась — резкий голос Лили разорвал обычные шумы утра.

— Анни! Крошка Кейт! — выкрикивала она рабочие псевдонимы девочек. — Что вы там делаете, когда у нас столько работы?

— Уже идем, Лили, — вздохнула Орабель. Она встретилась взглядом с Эйдан и улыбнулась, поднимаясь на ноги: — Если мы хотим подцепить богатых мужей, нам лучше пойти внутрь, где есть мужчины.

— Я сейчас. — Эйдан тоже поднялась, готовая следовать за Орабель, но задержалась на минутку. У нее не больше шансов вызвать интерес Скайлера Ван Дейка, чем у Орабель заполучить достойного мужа в таверне. Но если Орабель не хочет сдаваться, почему бы самой Эйдан не попробовать хотя бы встретиться с господином Ван Дейком?

Мысль показалась ей настолько абсурдной, что она рассмеялась.

С трудом сдерживая гнев, Лили сглотнула, а Орабель и Эйдан не спеша вошли в таверну и двинулись к бару. Брам с грохотом поставил по подносу с оловянными кружками перед каждой из них и показал на шумную группу моряков, сидевших в дальнем углу.

Лили провела ладонями по переднику и закусил губу, она радовалась уже тому, что в этот раз девочки были готовы подчиняться. Орабель доставляла немного хлопот — у нее был мягкий, уступчивый характер, она гнулась, как молодая ветка. Но Эйдан было уже двадцать, достаточно взрослая, и упрямая, как перекосившаяся дверь. Ей давно пора замуж, но она воротила свой вздернутый носик от всех парней, которых Лили ей подпихивала.

— Милочка, можно я зайду к тебе попозже? — Навязчивый матрос плотоядно смотрел на Лили, даже попытался ухватить ее за рукав.

— Не сегодня, парень, — ответила Лили, невесело улыбаясь. — Я очень занята, разве не видишь? Но я могу прислать тебе другую девушку, она принесет тебе выпить. Глупо ведь умирать от жажды в чужом порту, верно?

Дурачок кивнул, соглашаясь, а Лили одарила его яркой улыбкой:

— Что предпочитает сударь? Хотите выпить в обществе блондинки или рыженькой?

Его покрасневшие глаза обежали комнату; заметив сияние волос Эйдан, он чуть улыбнулся.

— Вон та подойдет, — ответил он, мотнув головой в сторону стройной девушки, проходящей по залу. — Она сгодится и на потом, если сможешь мне ее привести.

— Ой, нет, сударь! — Лили притворно содрогнулась от ужаса. — Я не знаю, добропорядочная она девушка или нет, но не пожелаю ее своему злейшему врагу. Она проклята, эта девушка. Любого, кто до нее хотя бы дотронется, постигнет несчастье.

— Правда? — Матрос от страха выпучил глаза, отчего Лили испытала некоторое удовольствие.

— Правда. — Она наклонилась к нему и положила ладонь на его руку. — Видел ту белую прядь у нее над левым ухом? — Она подождала, пока лишившийся дара речи матрос кивнет, и продолжила прерывающимся шепотом: — Это знак. Белизна происходит из ее сердца, видишь, в нескольких дюймах от уха? Любой мужчина, который к ней прикоснется, почувствует белую и холодную руку смерти еще до рассвета, если он не женится на ней перед этим.

— Чтоб мне провалиться! — Голос матроса дрогнул, и он замолчал.

Лили выпрямилась:

— Я велю ей принести вам выпивку, сударь, и можете насладиться ее обществом. Но не забывайте, я вас предупредила. Страшная судьба ожидает мужчину, слишком близко подошедшего к нашей Ирландке Анни.

Оставив матроса обдумывать опасности, которые поджидают его блудливые руки, Лили щелкнула пальцами в сторону Эйдан. Рыжая голова повернулась к ней, на миг они встретились глазами, и Лили указала ей на сидящего рядом с ней мужчину.

По лицу Эйдан пробежала тень недовольства, затем она решительно взяла под мышку пустой поднос и изобразила широкую улыбку.

— Пойди, поговори с ним, Анни, детка, — Лили заставила себя говорить с дочерью ласково. — Этот парень только что из Ирландии. Тебе будет полезно послушать его говор. Принеси ему еще пинту пива, детка, и дай мужчине выговориться.

Лили отвернулась, ощущая на себе жар взгляда дочери. Эйдан терпеть не могла разговаривать с мужчинами, ненавидела их обслуживать, ей было противно улыбаться и делать вид, будто ее интересуют их корабли, их матери и их мечты о Боге, золоте и славе. Но такая жизнь была лучшей, чем та, на которую могла рассчитывать девушка без денег, и Лили радовалась, что может устроить ее дочери, и неважно, ценит она ее дар или нет.

Лили протиснулась между двумя спорящими мужчинами и второй барменшей, потом прислонилась к стене, глубоко вдыхая воздух, который уже успел пройти через легкие слишком многих людей. Она переступила с ноги на ногу, сложила руки на груди и опустила голову, пользуясь редким моментом тишины.

«Да, Кори, ты не об этом мечтал, когда вез нас сюда из Англии. — Лили подняла голову и увидела, как Эйдан подавляет зевок, пытаясь слушать пьяного матроса. — Но я сумела сохранить ее чистоту и непорочность. Она станет кому-нибудь хорошей женой, помяни мои слова».

Даже теперь, через многие годы, ее глаза затуманивались, если она обращалась мысленно к своему мужу, лежащему где-то на дне океана.

«Если ты будешь говорить с Богом, замолви словечко за нас с девочкой, милый. Нам бы не помешала помощь время от времени. Эйдан стала взрослой, по некоторым понятиям, даже

слишком; если я не выдам ее замуж в ближайшее время, она проведет свою жизнь в этой таверне, совсем как я».

Лили замолчала и стерла слезинку со щеки.

«Я не ропщу, Кори, любимый. Но ты оставил нас без средств к существованию. Брам помог нам немного. Так, например, он спасал нас от рабочего дома... почти всегда. — Ее глаза остановились на ярких волосах Эйдан. — Я осталась без ничего, Кори, и мне бы не хотелось возлагать слишком большие надежды на другого человека. Поэтому, если ты попросишь Всемогущего отпустить мне мои грехи, я не стану держать на тебя зла за то, что ты нас покинул».

— Лили!

Рычание Брама моментально вывело ее из задумчивости. Лили оторвалась от стены и двинулась через беспокойную толпу. Она держала под контролем свою жизнь и свою судьбу, как ей казалось, насколько могла себе позволить женщина.

Глава вторая

С холщовым мешком, где были все его пожитки: смена белья, нож, несколько пакетиков трав и универсальный символ врача — колба для мочи, Стерлинг Торн неловко спрыгнул в баркас, готовый к отплытию. Уитт Деккер, первый помощник на борту «Глории Элизабет», спустился следом, чуть не перевернув угловое суденышко своим весом. Его терьер-полукровка коричневой масти, к которому голландец испытывал необъяснимую страсть, прыгнул с палубы прямо в руки хозяина.

Стерлинг передвинулся к борту, чтобы не рисковать столкновением с неприветливым голландцем или его собакой. Деккер был суровым надсмотрщиком во время плавания, испытывая терпение в основном английской команды своим хвастовством, он кичился умом, предусмотрительностью и мощью голландцев. Что ж, сейчас они в Батавии, голландской колонии, и Стерлинг намеревался посмотреть своими глазами, что голландским коммерсантам удалось свершить в этой части мира.

Деккер устроился на скамье с самодовольным вздохом, усадил лающего терьера себе на колени и кивнул гребцам. Баркас тронулся с места, рассекая зеленую воду, которая поблескивала в лучах полуденного солнца. Вокруг них, словно любопытные утки, крутились небольшие барки и гребные

лодки, они скользили взад-вперед среди более крупных судов, стоявших на якоре в гавани.

— Вот она, Батавия, — сказал вслух Стерлинг, сцепив руки и осматривая горизонт. За причалами, словно стена, тянулась линия коричневых крыш; за крышами вздымались величественные горы, напоминающие древних воинов, исполненных решимости защищать сердце острова от вторжения.

— Да, это она, — ответил Деккер, его широкие ладони крепко держали собаку. А голос чуть хрипел от волнения. — Ну и повеселимся же мы сегодня вечером, мой друг. Если хотите узнать, где можно найти выпивку, постель или женщину, только спросите у меня.

— Благодарю вас, Деккер. — Стерлинг прищурился, глядя в поселение, медленно появляющееся в поле зрения. — Мне нужно только найти, где живет мой друг, доктор Ланг Карстенс. Я надеюсь практиковать вместе с ним.

— А зачем вам оставаться на суше, когда можно дышать свежим воздухом океана? — спросил Деккер и хлопнул Стерлинга по спине, проявляя больше дружелюбия, нежели во время их совместного плавания. — Почему бы вам не остаться судовым врачом? Компания отправляет конвой или экспедицию каждый месяц. А если вы сомневаетесь в репутации какого-нибудь капитана, найдите меня. — Один уголок губ приподнялся в виде полуулыбки. — Я знаю всех, а они знают меня. Найти меня можно в таверне на Брод-стрит или поблизости. Очень гостеприимное место, к тому же они не против, что я привожу с собой Снаггерхеда. — Он почесал животное под грязным подбородком и хмыкнул.

— Буду иметь в виду, — рассеянно ответил Стерлинг. Он бросил взгляд на непоседливую собаку. Деккер говорил Стерлингу, как впрочем, и всем остальным, кто хотел слушать, что назвал собаку голландским словом, которое означает «умник», потому что его отец постоянно утверждал, что Деккер тупой, как ком глины. Явно тот голландец плохо знал своего сына, поскольку Уитт Деккер был хитрым, он умел манипулировать людьми самым безжалостным образом, у Стерлинга пробежал по спине холодок, когда он это наблюдал.

Стерлинг наклонился вперед, когда баркас подошел к причалу. Грузчик швырнул им веревку, и он ее поймал, затем без труда привязал канат. Он не стал задерживаться, чтобы попрощаться с Деккером или гребцами, спрыгнул на пристань и тотчас исчез в толпе.

Ему надоели моряки. Он жаждал домашнего спокойствия, хотел сидеть где-нибудь и беседовать с умным человеком, а не обсуждать предрассудки матросов и их вечные жалобы. Он уже на всю свою жизнь насмотрелся на контузии, ожоги и кровоточащие десны. Стерлинг не рассчитывал на лучшие условия в этом голландском поселении на краю света, но он хотя бы будет принимать своих больных в помещении, которое не раскачивается на волнах.

Длинный причал протянулся, извиваясь, почти на полмили вдоль гавани, небольшие пристани торчали из него словно редкие зубы. Трехмачтовые фрегаты и бригантины, шхуны и небольшие шлюпки стояли на якорях вдоль причала — полный набор кораблей, которые всем снабжали Батавию, колонию, существующую уже двадцать три года.

Стерлинга охватила дрожь при мысли, что он будет работать в этом месте на краю цивилизации. Именно ради этого он покинул Англию с ее традиционным мышлением? Проучившись в Оксфорде семь лет, он получил степень магистра искусств, затем степень доктора медицины в Монпелье, вернулся в Лондон, где сдал экзамен в Корпорации врачей. После этого, получив все необходимые лицензии и рекомендательное письмо от личного врача самого короля, он решил работать в таком месте, где можно будет лечить не только малярию и потницу, так распространенные в Англии.

Стерлинг механически похлопал пергамент, спрятанный под рубашкой. Письмо от доктора Битона Норвела, английского кузена Ланга Карстенса и друга Стерлинга. Битон никогда не видел своего знаменитого голландского кузена, но этот славный парень дал Стерлингу повод покинуть страну. Знаменитый доктор Карстенс находится в преклонном возрасте, как рассказал Стерлингу Битон, возможно, он пожелает взять его себе в младшие партнеры, чтобы помогать с практикой.

«Во всяком случае, он джентльмен, — заверил его Битон, когда вручал рекомендательное письмо, — и у него хорошие манеры, так что он не выставит тебя на улицу без ужина и приглашения переночевать».

Перед расставанием друзья пожали друг другу руки, но уже тогда Стерлинга начало мучить чувство вины. Он сказал своей плачущей матери, что хочет уехать из Англии, чтобы найти новые возможности для своих братьев в Батавии, но все в деревне думали иначе. Настоящим поводом для его поспешного отъезда была Эрнестина Мартин, жеманная деревенская красотка, которая скорее красиво упадет в обморок, чем станет защищаться. Она вешалась ему на шею задолго до того, как он стал врачом, задолго до того, как пропал урожай и отец Стерлинга был вынужден продать большую часть семейных земель. Но даже угроза бедности не помешала ей преследовать Стерлинга. С момента его возвращения из Лондона она постоянно сидела с его матерью на кухне, слушала и подмечала все, что касалось старшего сына Торнов.

Мать хотела, чтобы он женился на ней; и отец перед смертью одобрил этот брак. Но хотя Стерлинг не мог найти изъяна ни в красоте Эрнестины, ни в ее родословной, он сомневался, что сможет мириться с вечными жалобными вздохами, притворными гримасами и с ее женской беспомощностью. Как может мужчина отвлечься от забот перед сном, зная, что на рассвете его снова начнут изводить?

Как старший сын, Стерлинг наследовал то небольшое, что осталось от поместья, и должен был его поддерживать, однако он не чувствовал призвания стать фермером. И поэтому он не принял предложение Эрнестины занять место в доме ее отца; он собрал свои немногочисленные пожитки, выпросил рекомендательное письмо у Битона и устроился врачом на первый же корабль, отплывающий из Лондона на острова Пряностей. Он рассчитывал найти в новой колонии место для себя и своих братьев — или того из них, кто не женится на простушке Эрнестине. Ни Мейфилд, ни Ньюланд не отказались бы жениться на хорошенькой девушке, а Стерлинг был бы счастлив, если бы они получили поместье в качестве свадебно-

го подарка. А вот второму брату придется самому искать свое место в этом мире. Чувствуя ответственность за них, Стерлинг хотел им помочь.

Сейчас он сдержал улыбку, слушая стук своих ботинок по пристани. Он тяжело ступал, как человек, не привыкший к твердой земле под ногами. Ему понадобилось три дня, чтобы приспособиться к качке, а теперь, как видно, ему снова понадобится время, чтобы привыкнуть к суше.

Пристань переходила в широкую улицу, забитую экипажами, лошадьми, ослими и повозками. Он сморщил нос от вдруг нахлынувших ароматов, весьма отличных от запахов моря. Из открытого окна пахло жиром и готовящимся мясом; над улицей висела вонь от пота и лошадиного навоза. Он слышал, что голландцы большие чистюли, но у пристани это их качество никак не проявлялось.

Стерлинг повесил сумку на плечо и сошел с причала, влившись в потную толпу, полный желания найти свое место в процветающей колонии Батавия.

* * *

— Стерлинг Торн? — Ланг Карстенс сморщил нос, словно запахло гнилой картошкой. Он был пухлым невысоким мужчиной с вьющейся седой бородой, которая обрамляла лицо, словно грозовое облако, а затуманенный взгляд говорил о том, что Стерлинг прервал его послеобеденный сон. Экономка проводила Стерлинга в кабинет врача, и через несколько минут пожилой доктор наконец появился в дверях и проковылял к своему столу, он вперил взгляд в письмо, которое Стерлинг передал с экономкой.

— К вашим услугам, сэр. — Стерлинг уважительно поклонился, потом указал на пергамент в руках доктора. — Думаю, письмо все вам объяснит. Доктор Битон Норвел, один из личных врачей короля Карла — ваш кузен и мой друг. Поскольку мне очень нужно место, чтобы практиковать искусство медицины, доктор Норвел подумал, что вы, возможно, захотите взять себе компаньона.

— Компаньона? — Доктор поднял взгляд, хмурясь еще больше.

— Тогда помощника. — Стерлинг развел руками и улыбнулся. — Рискуя показаться нескромным, хочу вас заверить, сэр, что я достаточно умелый. Я служил корабельным врачом во время плавания из Англии. — Он тихонько рассмеялся и добавил: — И мы не потеряли ни одного человека.

— Корабельным врачом? Ба! Любой может занять этот пост. На каждом корабле имеется плотник; он может отрезать сломанную ногу не хуже врача.

Стерлинг сложил руки на груди и глубоко вздохнул.

— Я бы не посчитал разумным отрезать кому-то ногу, доктор Карстенс, — возразил он и кивнул весьма официально. — Но все равно я с радостью работал, и, думаю, немало преуспел. Капитан «Глории Элизабет» подтвердит мое искусство лечения травами, если вы захотите еще поспрашивать.

— Мне не нужен помощник. — Губы доктора сжались еще крепче, и он стукнул по столу для большей убедительности. — Но не могу допустить, чтобы обо мне говорили, будто я бросил человека в нужде. Вы можете пожить у меня день-два, Стерлинг Торн, но найдите — мне не нужна помощь, ни от вас, ни от кого другого. Я справляюсь с работой не хуже, чем когда только приехал в Батавию.

Стерлинг качнул головой и показал на окно позади доктора.

— Проходя по городу, я заметил, что жителей здесь много, доктор Карстенс, — сказал он, улыбнувшись. — Не сомневаюсь, здесь больше людей, нуждающихся в медицинской помощи, чем врачей. Ведь даже местное население на этом острове должно отнимать у вас массу времени, а на пристани я видел немало нищих и калек.

— Я не лечу дикарей и отбросы общества. — Доктор уронил письмо Стерлинга на стол. — Если вы желаете уделять свое время таким людям, дело ваше. Но моя природа претит мне общаться со шлюхами и жуликами. — Он смотрел на собеседника через стол с полным равнодушием. — Я велю моей экономке показать вам вашу комнату, а потом советую подыскать себе собственное жилье.

— Обязательно. — Стерлинг с трудом сохранял спокойный, примирительный тон. — И я уверен, что найду пациентов, куда ни обращусь. Здесь достаточно места для двух врачей.

Карстенс недовольно скривил губы:

— У достойных людей уже есть свой врач, доктор Торн. Что же касается остальных, Батавия очень отличается от Европы. И еще, из-за жаркого климата люди здесь теряют здравый смысл. Они вспыльчивы, моральные нормы не соблюдаются, особенно среди бродяг и попрошаек. Вам следует держаться подальше от причалов и пристани; люди, там живущие, настолько аморальны, что достойные уважения граждане не могут с этим мириться. Если вы считаете себя джентльменом, вам будет лучше перебраться в более спокойную страну.

— Я вообще никем себя не считаю, — ответил Стерлинг, которого раздражал издевательский тон доктора. — Но я хороший врач, и, как я верю, Господь велел нам заботиться о слабых.

Он забрал со стола свое письмо, демонстративно посмотрел на пустой стул, который ему так и не предложили, и прижал шляпу к груди.

— Если ваша экономка покажет мне умывальник, я бы хотел умыться и побродить по улицам. Я постараюсь не причинять вам беспокойства, а также имею основания полагать, что человек с моими способностями найдет себе достойную работу без особых хлопот.

— Но не среди уважаемых господ Батавии, — фыркнул доктор, потрясая пальцем в сторону Стерлинга. — Их врач — я, и я намерен им оставаться, пока Сам Господь меня не остановит.

— Тогда желаю вам хорошего дня, — сказал Стерлинг, снова кланяясь. — Пока Господь вас не остановил, сэр, я, видимо, буду лечить тех, кто к достойным не относится.

Он развернулся на каблуках и вышел в дверь, пока старик не сказал чего-нибудь еще.

Оглавление

<i>Пролог</i>	9
Эйдан О'Коннор	17
Скайлер Ван Дейк	169
Стерлинг Торн	287
<i>Примечания</i>	429

